

Тяжелая пуля с гулким жужжанием пронеслась над головой, и Елисей, присев за зубцом стены, быстро перезарядил карабин. Похоже, к этой осаде горцы под руководством турок готовились крепко. Штурмовые лестницы, стальные кошки с цепными поводками для заброса на стены и даже пушки, все это они сумели протащить через перевалы и по горным тропам перевезти в ущелье, где накапливали силы. А потом, все так же на руках, перенести через лес под стены крепости.

К огромной удаче жителей крепости, несмотря на все неурядицы и откровенно наплевательское отношение к этой рубежной твердыне высокого начальства, гарнизон крепости оказался выучен крепко. Ворота на ночь запирались, а караульные несли службу как положено, поэтому попытка нападавших взять крепость первым же штурмом оказалась неудачной. К тому же две действующие пушки, словно специально, были установлены над воротами так, что артиллерия нападавших оказалась сбитой с позиций раньше, чем ядра успели разбить ворота.

Такая ловкость местных артиллеристов Елисея не удивила. Наводчиками у двух орудий были прапорщики, командиры взводов. В общем, после трех залпов артиллерия противника была подавлена

и началась осада. Горцы уже дважды пытались штурмовать стены под прикрытием стрелков, но солдаты и казаки оказались бойцами грамотными, и обе попытки быстро захлебнулись. Ну не умели горцы воевать строем и пешком. Не тот народ.

Вот верхами, да в сабельной рубке, потягаться с ними было сложно. А так, на стенах, да еще и своим ходом, не то. Совсем не то. С этими мыслями Елисей поднялся над зубцом, за которым прятался, быстро выцелив очередного противника, выстрелил. Попавший ему на прицел горец всплеснул руками и, выронив ружье, рухнул навзничь.

«Двенадцатый, — зло усмехнулся про себя патрень. — Патронов еще полторы сотни с собой. Ночью придется перекрутить все пустые гильзы. Блин, а еще и поспать надо».

С этими мыслями он снова перезарядил свой штуцер и, отступив чуть в сторону, принялся выискивать в оптический прицел кого-то из командиров этой дикой дивизии. Воевать горцы умели, но о строе и воинской дисциплине и слыхом не слыхивали. Схватки они предпочитали личные, чтобы показать собственную силу и удаль. И хотя турецкие, или, как тут говорили, османские советники прилагали огромные усилия для создания из них хоть какого-то подобия регулярных войск, получалось это слабо.

Третий штурм закончился ничем. Обороняющиеся сумели сбросить все лестницы и положить всех, кто мог подняться по веревкам на стены. Кошки, которые горцы закидывали на гребень стены и зубцы, бойцы подцепляли жердями и попросту скидывали их обратно вместе с теми, кто сумел за это время взобраться по веревке. Большую помощь оказали и елисеевские гранаты. Раздав казакам полсотни чугунных

чушек, парень подробно объяснил, как ими пользоваться, и попросил тратить это оружие аккуратно.

Казачи, уже знавшие по слухам, что это такое, а кое-кто видевший ручные бомбы, заряженные порохом, вняли его просьбе и гранаты использовали весьма грамотно. Их не раскидывали по принципу «на кого бог пошлет», а вырвав чеку, просто осторожно перебрасывали через стену. С таким расчетом, чтобы граната взорвалась над головами столпившихся под стенами врагов. В итоге, горцы несли серьезные потери и, не выдержав, отступали.

Не обходилось, конечно, без потерь и среди оборонявшихся. Стрелять горцы умели. Что ни говори, а оружием горцы владели хорошо. Отбросив эмоции, не до них сейчас, Елисей снова поднялся и, поймав в оптику фигуру, усиленно размахивавшую руками, спустил курок. Со своей точки парень отстреливал нападавших, словно перепелов. Оптика, пристрелянное оружие, да к тому же боевой опыт. В общем, на этом участке обороны штурмовать стены горцы даже не пытались.

В бою наступило затишье, и офицеры принялись проводить перекличку. Убедившись, что личный состав готов воевать и дальше, офицеры собрались в надвратной башенке, где комендант устроил свой штаб. Выслушав доклады, штабс-капитан Милютин тяжело вздохнул и, качнув головой, негромко спросил:

— Что делать станем, господа офицеры? Как вы понимаете, долгой осады нам не выдержать. Съестного припаса и воды у нас достаточно, а вот с боевым все не так радостно.

— Вы это к чему, ваше благородие? — осторожно уточнил один из прапорщиков, заметно растерявшись.

— А к тому, что крепость сдавать нельзя, — тихо, но так, что вздрогнули все собравшиеся, проговорил комендант. — Лично я буду драться до последнего. Сдаваться в плен мне резона нет. Выкупать меня некому, да и незачем. После такого позора я и сам жить не стану. Приказать подобное вам я не вправе. Так что пусть каждый примет решение сам.

— А не рано ли вы о сдаче заговорили, господин комендант? — возмущенно поинтересовался ротмистр, командовавший караульной ротой.

— Я исхожу из наших реалий, господа. Как уже было сказано, пороха и свинца у нас не так много, как хотелось бы. Чья это вина, сейчас разбирать смысла нет. А вот быть готовым к самому худшему нам необходимо. Кто-то с этим не согласен?

Быстро переглянувшись, офицеры мрачно потупились. В том, что отсутствие огненного припаса и свинца это вина интендантов, им было понятно без слов. Комендант же, убедившись, что желающих спорить с ним более нет, снова тяжело вздохнул и, расправив усы, продолжил:

— Думаю, две недели мы продержимся спокойно. А вот что будет дальше, я, господа, предрекать не возьмусь. А самое неприятное, что мы даже сигнала в город подать не можем. Сами знаете, по штату нам положена своя голубятня для связи со штабом, но голубей давно уже нет, да и голубятников толковых не имеется. Все это мной было многократно доложено, ну а результат тех докладов вам и так известен.

— Может, гонца послать? — растерянно предложил один из прапорщиков.

— На смерть? — возмутился комендант. — Да и посылать некого. В таких условиях только пласту-

ны имели бы хоть какой-то шанс. Им на брюхе по кустам ползать не привыкать, да только нет у нас пластунов.

— Как нет?! — дружно вскинулись офицеры.

— Перед самым нападением я вынужден был отправить их к ущелью. А раз они о выходе противника не упредили, значит, больше их нет.

— Да как же так-то, господа? — плачущим голосом спросил прапорщик. — Это ж самые ловкие да опытные люди были.

— Это верно. Да не стоит забывать, что на каждого ловкого и опытного всегда еще более ловкий найдет-ся, — снова вздохнул комендант.

— А тот парень, из казаков, что с ними к ущелью ходил? — не сдавался прапорщик.

— Елисей-то? — понимающе переспросил комендант. — Да, парень ловкий, но опыта подобных вылазок у него вообще нет. Он скорее охотник, чем пластун. Да и придумки его нам пока очень в помощь. Видели ведь, что его гранаты с противником творят. Так что отправлять такого мастера сквозь стан противника считаю неправильным. Да и не допустят его в штаб по молодости лет. Сами знаете, взрослого-то казака иной раз в приемной часами мурыжат, а уж паренюка юного и вовсе за человека не посчитают. Надежда у нас одна. Вследствие осады я в штаб рапорты отправлять не смогу. Это и должно там многих настояжить. Славы у меня как у человека, своими обязанностями манкирующего, не имеется, так что, не получив вовремя докладов, должны заинтересоваться, почему гонцов нет. Более, господа, я ничего предложить не могу.

— Значит, просто ждать? — мрачно уточнил ротмистр.

— Да. Ждать и воевать. Иного выхода, господа, у нас с вами просто нет. Осмелюсь напомнить, что все мы здесь империи присягу давали. Так что, будем воевать тем, что имеем.

— А тех гранат у казачка много? — быстро спросил ротмистр.

— А вот этот вопрос я сейчас пойду выяснять, — грустно усмехнулся комендант. — Кто у нас на восточной стороне угловым барбетом командует?

— Унтер Ахримов.

— И что? Как там с горами?

— Доклада о прорыве не было. Получается, отбились, — развел ротмистр руками.

— Да как же так-то, господа? — возмутился комендант. — Вы же офицеры, а простых вещей не знаете.

— Так не хватает нас на все участки, вам ли не знать, — отмахнулся ротмистр. — Взводами прапорщики командуют. При пушках наводчиками сами становятся. Вот и приходится унтеров на команду ставить. Довели фортификацию, — скривился он, снова махнув рукой.

— Ладно, не будем сейчас из пустого в порожнее переливать, — осадил комендант ненужный спор. — Возвращайтесь на свои места, господа, а я отправлюсь на восточную стену. Ежели что, меня там ищите.

* * *

Ночь прошла в тревожном ожидании очередного штурма, но горы атаковать не решились. Почему? Да бог его знает. Может, не умели, а может, просто не решились. Но с первыми лучами солнца все, кто имел на стене свой участок, уже стояли на помосте,

всматриваясь в рассветный туман. И стоило только туману рассеяться, как в лагере осаждавших началась какая-то суета.

Елисей, которого комендант своим приказом забрал с места, нещадно зевая, выбрался к зубцу и, достав из сумки полевой бинокль, принялся рассматривать то, что начал строить противник. Но сколько парень ни всматривался, сколько ни ломал глаза, но ничего путного так и не разобрал. Какая-то крестовина, на которой крепился тонкий столб. Скорее даже длинная, заостренная жердь.

— Чего там? — раздался хриплый голос, и Елисей, опустив бинокль, обернулся.

— Жердь какую-то на крестовину крепят. Думал, орудие какое для штурма, но никак не похоже.

— Кол это, — мрачно выдохнул обратившийся к нему немолодой казак. — Из наших кого казнить станут.

— Как это казнить?! — от удивления Елисей едва бинокль не выронил.

В его сознании, человека двадцатого века, подобное обращение с пленными казалось чем-то кощунственным. Да, расколоть пленника по горячему, чтобы получить нужные сведения, это понятно, а вот подвергнуть его казни только ради удовлетворения собственных инстинктов, совсем другое. Впрочем, за речкой приходилось видеть подобное. Вспомнив несколько эпизодов из собственного прошлого, парень молча кивнул и, вздохнув, снова поднял бинокль.

Горцы закончили работу и, подняв получившееся сооружение на руки, потащили его в сторону крепости. Наведя бинокль на жердь, Елисей убедился, что казак был прав. Верхний, свободный конец кола был остро заточен.

— А чего это они кол на крестовину поставили? В землю вкапывать лень стало? — угрюмо поинтересовался он.

— Еще раз попользовать думают, — с ненавистью прошипел казак. — Не один у них пленник, видать, а на каждого кол вострить лень.

— А зачем им вообще это нужно? — не сдержал парень любопытства.

— Запугивают, — вздохнул казак. — Мол, глядите, православные, и с вами то же самое будет.

— А мы значит, как увидим, так сразу испугаемся и крепость им сдадим, — зло фыркнул Елисей. — Обломаются.

— Чего? — не понял казак.

— Не дождуться, говорю.

Между тем горцы подтащили кол метров на двести пятьдесят от стены и, выбрав ровную площадку, установили его. Зазвучали барабаны, явно привезенные турками, и все собравшееся войско горцев принялось стекаться к месту казни.

«Из этого я туда не дотянусь, — мрачно подумал Елисей, взвешивая в руках карабин. — Да и казнь им испортить тоже не помешает».

С этой мыслью парень сорвался с места и, вихрем слетев со стены, ринулся бегом в сторону гауптвахты. Слова коменданта о том, что схваченный британец, его пленник, посетила его очень вовремя. Влетев в помещение, Елисей с порога наорал на дежурного солдата и, отобрав у него ключи, ринулся к камере. Распахнув дверь, он приказал британцу лечь лицом вниз и сложить руки за спиной. Увидев наведенный ему в лоб ствол пистолета, лазутчик не решился спорить и покорно улегся на пол.

Связав ему руки, Елисей за шиворот вздернул британца на ноги и поволок к стене. Втащив его на стену, парень посадил пленника под зубец, так, чтобы его не было видно снаружи, и снова вскинул бинокль. Кое-как построив всю эту горскую вольницу, османские офицеры выступили из толпы в своем истинном обличье. Если до этого они носили одежду местных, стараясь скрыть свою принадлежность, то теперь они не стали прятаться.

Широкие шаровары, кушаки, фески, в общем, выглядели они именно так, как их изображали на картинах. Елисей, едва рассмотрев этих ряженных, аж зашипел от злости, словно рассерженная гадюка. К крепости выступил дородный, статный турок и, вскинув голову, громко прокричал:

— Эй, урус! Видишь этот кол? Мы поймали ваших пластунов. Хорошие воины. Сильные. Двое сумели умереть в бою, а одного мои аскеры взяли живым. Вот тут он и закончит свою жизнь. Смотрите и ждите. С вами будет так же.

Говорил турок по-русски чисто, только с легким акцентом. Не зная, его можно было запросто принять за жителя предгорий. Услышав шаги за спиной, Елисей обернулся и, увидев коменданта, молча склонил голову, здороваясь.

— А этот тут зачем? — удивился штабс-капитан, заметив британца.

— Попробую его на приговоренного обменять, — коротко сообщил Елисей.

— Да как же так-то, ваше превосходительство?! — возмутился подошедший вместе с комендантом прапорщик. — Это же офицер!

— Это мой полон, — не оборачиваясь, огрызнулся Елисей. — Вы, ваше благородие, сами то признали на людях.

— Тут он прав, господа, — развел штабс-капитан руками. — Это действительно его пленник.

— Но я же заплатил ему, — вдруг подал голос британец.

— А ты вообще молчи, шваль, — рыкнул Елисей, пнув его в бок. — Что с тебя взято, мой трофей. Я еще с тебя не спросил за напарника твоего. Так что лучше помалкивай, целее будешь.

Собравшиеся на стене казаки, с интересом выслушав этот диалог, только одобрительно закивали, нехорошо поглядывая на прапорщика, решившего лишь парня пленника.

— Что делать собираешься? — спросил комендант у Елисея, таким образом оборвав зарождающуюся дискуссию.

— Сейчас попробую с этим фазаном ряженым поговорить. Может, чего и получится, — вздохнул парень, убирая бинокль. — Эй, эфенди! — окликнул он, перегибаясь через стену. — Подойди ближе, не бойся, стрелять не стану. Хочу показать тебе кое-что.

— Что ты мне можешь показать, гяур? — расхохотался турок.

— Вот это, — ответил Елисей, вздергивая британца на ноги.

— Кто это? — насторожился толстяк и, старательно всматриваясь в лицо пленника, начал осторожно приближаться. Но до этого он подал своим присным какой-то знак, и за собравшейся толпой тут же возникло какое-то движение.

Турок подошел метров на сто и, достав из-за пояса небольшую подзорную трубу, навел ее на пленного, торчавшего по грудь над стеной.

— Ага! — выдохнул он, зло усмехаясь. — Значит, ты его поймал.

— Как видишь, — кивнул Елисей. — Это мой пленник, я хочу обменять его на того казака, которого поймали твои люди.

— А зачем мне это? — вдруг спросил турок, оглядываясь назад.

Там, у кола, уже суетились несколько горцев, которых, похоже, назначили палачами. Из толпы вытолкнули связанного окровавленного человека, и палачи тут же бросились что-то делать. Что именно, Елисей без бинокля не понял, но сообразил, что ничего хорошего. В землю воткнули еще две жерди с привязанными на верхних концах петлями, через которые были протянуты веревки, к которым были привязаны руки пленника. Палачи дружно потянули за веревки и вздернули его над землей.

— Видишь? — глумливо рассмеялся турок. — Это сильный воин. Он будет долго умирать на колу. Я приказал не смазывать кол жиром. Так будет дольше. Ты услышишь, как он будет насаживаться на кол.

— Эфенди, а ты не забыл, что британцы спросят с тебя за своего человека? Это ведь офицер, — сделал Елисей еще одну попытку.

— Мне плевать на этого неверного, — вдруг зарычал турок в ответ. — Они все только и хотят, что использовать наших солдат в своих играх. Инглизы, франки, вы, русские, только и мечтаете нас уничтожить. А мы создадим новое государство. Великий Туран. Великую Порту, и вы все будете нам служить, неверные!

«О-о, дядя, да ты фанатик!» — протянул про себя Елисей.

— Здесь командуешь ты, — закричал он. — Но там, в Стамбуле, большую политику делают другие, и за